

О ФИЛОСОФИИ ВЫБОРОВ: СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД*

Аннотация. Третья часть статьи посвящена множественному контексту выборов и условиям, при которых они происходят. Здесь внимание акцентируется на политическом фоне, в частности, на той глобальной обстановке, которая в наши дни формируется и сооружается бизнес-сообществами, — мировым олигархатом, с одной стороны, и транснациональными компаниями, — с другой. На пути к образованию так называемого нового мирового порядка, которому присваиваются различные названия, в том числе «инклюзивный капитализм», «новая управленческая система», «четвертая промышленная революция» и так далее, применяются всякого рода неприемлемые в своем отрицании демократии инструменты. В их число входят навязывание как знаний, так и информации, политические и психологические технологии хаоса, насаждение страха и тому подобное. Важно то, что в планируемой мировой инфраструктуре, имеющей в большей степени политтехнологическую, чем политическую, экономическую и социальную основу, нет места ни выборам, ни референдумам. При этом инициаторы и проектировщики планируемого мирового порядка не принимают в расчет практически бесконечный потенциал демократии и гражданского общества.

Ключевые слова: выборы, избиратель, общество, власть, государство, эволюция, электорат, демократия, олигархат, транснациональные компании, «инклюзивный капитализм», «новая управленческая система», «четвертая промышленная революция», технологии.

ON THE PHILOSOPHY OF ELECTION: AN OUTSIDE VIEW

Abstract. The third part of the article is devoted to the multiple contexts of elections — and the conditions under which they take place. Here attention is focused on the political background, in particular, on the global situation that is currently being formed and built by business communities — the global oligarchy, on the one hand, and transnational companies, on the other. On the way to the formation of the so-called new world order, which is given various names, including «inclusive capitalism», «new management system», «fourth industrial revolution» and so on, all sorts of unacceptable tools are used in their rejection of democracy. These include the imposition of both knowledge and information, political and psychological technologies of chaos, instilling fear, and the like. It is important that in the planned world infrastructure, which has more of a political technological basis than

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович — кандидат политических наук, г. Москва

* Продолжение. Начало см.: Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 3, 4.

a political, economic and social basis, there is no place for either elections or referendums. At the same time, the initiators and planners of the planned world order do not take into account the almost infinite potential of democracy and civil society.

Keywords: *elections, voter, society, power, state, evolution, electorate, democracy, oligarchy, transnational companies, «inclusive capitalism», «new management system», «fourth industrial revolution», technology.*

*Пока лев не научится писать,
во всех сражениях будет побеждать охотник.*
Пословица

Всегда, везде и всюду выборы проходят в определенном, но внутренне *неоднородном*, а зачастую *множественном контексте*. И здесь всё имеет значение, хотя под термином «контекст», как правило, подразумевается в том числе и среда, обстановка, окружающие обстоятельства, условия, фон, соотношения, взаимосвязи и многое другое. Речь в первую очередь может идти о наиболее явных географических, климатических и пространственных — локальных, региональных и национальных — контекстах. Не менее важны другие, не столь очевидные как в своей видимости, так и значимости контексты. Не особо углубляясь в подробности, можно включить в перечень обстоятельств, оказывающих то или иное влияние на организацию, проведение и ход выборов, интеллектуальный, психологический, ментальный, а также экономический, политический и социальный фон. Разумеется, этим дело не ограничивается, поскольку в содержании каждого из названных контекстов кроются свои *субконтексты*: в ментальном — в том числе этнический, в экономическом — формационный, в политическом — актуальный, в социальном — частный. В отношении электоральных процессов в целом контекст можно уподобить и почве, на которой они происходят, и небу, под которым идет голосование, но будет вернее, если сравнить его с воздухом, пропитывающим *атмосферу выборов*.

Если рассматривать избирательное поле с подобных, а еще лучше, более обширных и глубинных позиций, то очевидно, что итоги голосования — результат более чем громадного числа *влияний и воздействий*. Над муниципальными выборами довлеют одни обстоятельства, над региональными другие, а что касается национальных выборов, то довольно часто они находятся под прессингом более масштабных, а иногда и глобальных факторов. Здесь можно было бы обратиться к истории, но актуальная реальность в своей сложности и неоднозначности такова, что даст «фору» любым историческим обстоятельствам и примерам. Несколько отступая от темы нашего сюжета, попытаемся проанализировать *глобальную ситуацию*, влияние которой на выборы какого бы то ни было уровня невозможно оспаривать. Притом практически в любой точке земного шара. В настоящее время, прямо в минуты и секунды, когда эти строки набираются, человеческая цивилизация

подвергается более чем *серьезной опасности*. Речь не о каких-то милитаристских действиях, конфликтах и противостояниях, из которых разум в основном как-нибудь, но всякий раз находит выход. Нынешние проблемы обладают более глубинным характером, так как вектор их воздействия, *берущий начало в относительно недавнем прошлом и пронизывающий настоящее* (все мы свидетели их формирования, развития и даже первых уронов, наносимых ими мировому сообществу), *направлен на будущее*. Притом на далекое будущее не в меньшей мере, чем на ближайшие завтра.

Наш мир вступил в эпоху так называемой *перезагрузки*, которую в мизерной степени можно сравнить с исторически недавней отечественной *перестройкой*. Думается, что и этого достаточно, чтобы понять уровень и масштабы грядущего. За перестройкой ничего особенного не было, — она даже не была каким-то образом спланирована. Судя по всему (особенно, по ее итогам), в представлениях зачинателей перестройки было достаточно «ввязаться в бой», а дальше ситуация сама должна была себя вести. Она и повела, и даже довела, и мы знаем — куда. Примерно такое же положение складывается с глобальной перезагрузкой, *инициаторы* которой, в отличие от советских перестройщиков, имеют некий план, который уже начал реализовываться. Чуть выше по тексту нами было упомянуто слово «контекст», еще и с определенными пояснениями. Это не случайно. Дело в том, что для перезагрузки (своими авторами она обозначается как «*великая перезагрузка*») определен вполне себе наукообразный контекст под названием «*инклюзивный капитализм*». Что это такое с точки зрения терминологии, полагаем, читатель разберется сам, но хотелось бы сосредоточить внимание на некоторых деталях предлагаемой в качестве глобальной формации экономической системы.

Само понятие было введено в научный оборот профессором Мичиганского университета Прахаладом Коимбатуром Кришнарао (1941–2010) в книге «Удача на дне пирамиды», в предисловии которой автор задавал вопрос: «Почему мы не можем создать инклюзивный капитализм?». «Инклюзивный» (англ. inclusive) переводится как «включающий широкий круг предметов и явлений» и знаком значительному числу людей по названию туристической услуги «всё включено» (англ. all inclusive). Но более чем интересно значение данного термина, которое выдает *нейросеть*: «Инклюзивный означает „включающий, охватывающий“ и *подразумевает создание среды, где все люди, независимо от своих особенностей, чувствуют себя принятыми и уважаемыми*. Это касается образования, работы, общественного пространства и других областей. Инклюзивный подход направлен на то, чтобы *все люди имели равные возможности и могли участвовать в жизни общества наравне со всеми*» (курсив мой — И.Г.). Это объяснение характеризует не только *авторов проекта «инклюзивный капитализм»*, — оно сообщает нам кое-что и об *искусственном интеллекте*, — как минимум, говорит об *уровне его управляемости*.

Вообще-то данный проект — *плагиат* фашистской идеи Бенито Муссолини, который предполагал *союз государства и синдикатов*, — суть «инклюзивного капитализма» заключается в объединении государства с транснациональными корпорациями, а если использовать современную, более откровенную, можно сказать, даже слишком «искреннюю» терминологию, то с *глобальным олигархатом*. Более близкие по времени *исторические корни* «инклюзивного капитализма» заключены в *конвергенции* западного капитализма и советского социализма, опирающейся на два вида *прогрессизма* — левого (СССР) и правого (Запад). Но вдохновились «инклюзивисты» не только историей, но и, возможно, в первую очередь, слишком большими богатствами, оказавшимися в их распоряжении, и вытекающими отсюда *вседозволенностью и безнаказанностью*. Как ныне говорят, *триггером* для решительных шагов для них послужило *наступление компьютерной эры*. Но *революционная специфика* инклюзивного момента заключается именно в обозначенном чуть выше *союзе*, так как таким образом из глобального социального пространства выводится (изгоняется) его важнейший актер — общество (то есть, если эти планы сбудутся, то можно будет попрощаться как с демократией и выборами, так и с главным действующим лицом — избирателем; без главенствующей роли социума ни одному из этих акторов в политической системе места нет). Выразимся более конкретно: общество, и так с трудом сохраняющее свою *субъектность* в нелегких взаимоотношениях с государством, превратится в *объект* со всеми вытекающими отсюда последствиями. Взамен, а значит вместо общества в новой реальности — в условиях так называемого *частного партнерства*, актором общественного управления станет *система транснациональных компаний* (маловероятно, что нынешние *реформаторы от больших материальных состояний* способны на изобретение чего-то особенно нового, — следовательно, систему изобразит нечто вроде совета директоров и не более) [см. 1].

Слово «капитализм» в названии новой идеи не совсем к месту. Как когда-то первобытно-общинный строй, рабовладельческая система, феодализм и социализм, так и капитализм в качестве общественной формации проявлял и проявляет себя с разных сторон и в данном восприятии *далек от стандартов*. Он отличается как от страны к стране, так и от этноса к этносу. Как бы человечеству ни навязывались различного рода *симулякры принципов*, как бы народы таким образом ни закрывались в своих этнических, государственных, традиционных, ментальных и иных границах, мир един в своем понимании окружающей реальности в той же степени, как и различен в восприятии. Иначе говоря, промежуток между восприятием и пониманием обычно заполняется специфическими смыслами, окрашивающими оказавшиеся в нем понятия в разные цвета. Кое-что разработчикам симулякров удастся. Нет ничего случайного в том, что соседствующие тысячелетиями народы познают друг друга *не непосредственным общением и взаимодействием, а через навязанные позитивные и негативные стереотипы*. Видимо (по крайней

мере в отношении этносов), в том числе и данным аспектом общественной ситуации «инклюзивисты» вдохновляются. К тому же относительно небольших материальных, информационных и интеллектуальных ресурсов достаточно, чтобы народам, веками живущим душа в душу, *навязать* какие угодно шаблонные представления.

Ладно бы только социальные и национальные стереотипы, — положение человечества уже таково, что людям *навязываются знания*. Речь не только о том, что большинство склонно потреблять исключительно рекламируемые ценности, — проблема гораздо глубже. *Психологические технологии* позволяют отдельным бенефициарам проникать в человеческие предпочтения практически во всех сферах. Удивительно, но модным может быть что угодно, хотя и это далеко не всё. Люди (нередко целые сообщества, этносы и народы), находясь внутри *информационной ямы*, свою жизнь строят по чужим — навязанным, более того, кому-то нужным *лекалам*. Исходят из *пропагандируемой истории* собственного прошлого, пребывая в *диктуемой со стороны системе ценностей*.

«Инклюзивисты», в течение долгих десятилетий (как минимум) готовившиеся к своей решительной атаке и на этом пути сумевшие превратить *одно из самых великих изобретений цивилизации — государство*, призванное управлять общественным пространством, — в *операционную систему* (почти в полном смысле слова), теперь, видимо, выйдя, по их мнению, на финишную прямую, почти ничего не скрывают. Если не обо всем, то точно о многом говорит то, что они своей главной удачей считают *проведение пандемии COVID-19* и называют ее «окном возможностей», заявляя, что за полгода пандемии сумели реализовать задачи, на решение которых в обычных условиях понадобились бы десятилетия.

За кулисами мировой политики, объявленной делом «великих», им удалось не только сформировать *свою обособленную от общественного поля инфраструктуру*, но собственную, лишенную всякой человеческой морали, *этику*, в пределах которой *возможно практически всё*, что человечество считает аморальным (тем, что *вне морали*). Скорее всего опираясь, во-первых, на материальные возможности, во-вторых, на глобальный административный ресурс (редко кто из глав государств и руководителей наднациональных организаций посмел возразить по поводу названной пандемии), они действуют открыто, полагая, что у них всё идет как по маслу. Но как обычно бывает в таких будто бы уже решенных вопросах, есть одна проблема, с которой, судя по крайне невыполнимым обещаниям «инклюзивистов», *переформатировщики* глобального мира пока не знают, как поступить. Речь о *легитимации*, которую в течение какого-то времени можно не замечать, отмахиваться от нее, загонять во тьму незнания, скрывая за толстыми политическими «шторами», но через нее невозможно перепрыгнуть. Какой бы диктаторской или тоталитарной ни была власть, всякий раз наступает время, когда приходится *держат ответ* по поводу легитимности, у которой сегодня есть только

один источник [вокруг «инклюзивного капитализма» успела образоваться своего рода инфраструктура, включающая в себя не только его сторонников и противников, каждый из которых исходит из собственных соображений, а иногда — и интересов, но и литературный фон: см.: 2, 3, 4].

Это раньше таких источников было несколько. Когда-то в глубине эпох почти во всех сообществах *легитимность достигалась силой*. Это было, во-первых, физически затратно, во-вторых, ненадежно — на одну силу довольно быстро находилась другая. Но несмотря на это превращающее сохранение власти в весьма шаткое обстоятельство, тот вариант держался многие тысячи лет, так как это было время, когда сила по своей значимости существенно превосходила *интеллект*. Затем в «моду» вошло получение *легитимности от бога*, кое-где практикуемое по сей день. Относительно недавно — несколько веков тому назад, человечество обнаружило не то что бы более надежный, а скорее всего более транспарентный вариант использования для обретения легитимности так называемого *общественного договора*. Именно так называемого, так как этот общественный договор никто и никогда в глаза не видел, но он каким-то чудесным образом, притом полагаясь практически исключительно на интеллект, сработал. А местами и ныне работает. Возможно, его действенность была связана с *разностью интеллектуального багажа индивидов* — большинство, которому он был непонятен, воспринимало его как некую «вещь в себе» и слепо верило, что он где-то есть. И этого хватало. Правда, была проблема, и она заключалась в том, что от общественного договора сильно веяло *абстракцией*. Может быть, поэтому его век оказался не таким длинным, как у грубой всесокрушающей силы. Как бы там ни было, в итоге в той или иной мере и по-разному, но к нашему времени все названные версии добывания легитимности *морально устарели*.

Да и время потребовало чего-то более *рационального*, и человечество остановило свой взгляд на когда-то чуть ли не случайным образом придуманной и в течение долгого времени считавшейся не совсем пригодной форме правления — *демократии*, которая более чем неожиданно обнаружила себя с различными и очень интересными для политических процессов сторон и пригодилась. Выяснилось, что она, всеми фибрами (именно в первоначальном понимании) своего существа *опирающаяся на общество, социум и, как ни странно, на индивида*, то есть на так называемого *простого человека*, может предложить наиболее надежную вариацию получения легитимности. В итоге *источником власти был объявлен, а главное, признан народ*, который сегодня с разным уровнем успешности и надежности выполняет в том числе (без отрыва от своих постоянных обязанностей) *функцию производителя законности* практически любых форм власти.

Можно предположить, что «инклюзивисты», увлекшись *технологиями хаоса* пандемийного характера, внутри которого намереваются разыграть *свою партию*, момент легитимности не продумали. Искать ее в морально

устаревших направлениях они не сочли целесообразным и поэтому, как и все *соискатели власти*, хотели бы обратиться к народу. Судя по всему, разговаривать с ним и на его языке они не умеют, потому и пытаются строить диалог по собственным правилам лоббизма, коррупции, откровенных и неявных взяток, посулов, уговоров, а нередко и угроз. Обещают самое желаемое и недостижимое для каждого индивида — *счастье*. Как бы ставят во главу угла не только рациональность, целесообразность, здравый смысл, но и *гуманность и человеколюбие*. Неслучайно, что в числе предлагаемых ими реформ первые места отведены на создание более *справедливой и устойчивой системы, которая включает в себя повышение минимальной заработной платы, инвестиции в образование, упрощенный доступ к кредитам для семей и бизнесов с низким доходом, справедливое налогообложение, регулирование финансовых рынков*. Все их реформы в сочетании должны привести к *надежному экономическому росту, снижению общественного и экономического неравенства, социальной стабильности и так далее* [см. 5].

Но не зря сказано: «по плодам их узнаете их» (Мф. 7:20). А «плоды» уже были. Кроме самого запоминающегося из них — *глобальной пандемийной аферы*, много чего не менее негативного случилось и продолжает случаться. Как минимум, состоялась «проба пера» — *Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)* под предлогом защиты здоровья сумела добиться немислимого, на время пандемии (на довольно долгое время) *остановив практически всю человеческую деятельность*. Этим она, в определенной мере *отодвинув в сторону* глобальную государственную систему, более того, *используя ее структуры* (чуть ли не до армии добралась), совершила переворот в управлении миром в частных и корпоративных целях. Здесь важно, что случился *прецедент*, который может открыть дорогу к повторениям состоявшейся ситуации. Дальше всё можно сделать с меньшими ресурсами и с большей смелостью, — посредством *преумножения* прецедентов (создания их множества) уже несложно сделать прецеденты *обычным делом*. С учетом того, что прецедент получился обширным, и в его контенте оказался в том числе и *подрыв общественного психического здоровья*, то возможные последствия случившегося не до подробностей, но почти очевидны.

На деле и практически в максимальной степени прошла *апробацию* такая *легитимная мера* государственного уровня, как «*чрезвычайное положение*». Уверен, что мы о нем еще не раз услышим в контексте введения «инклюзивного капитализма» или при продолжении «четвертой промышленной революции» (оба названия условны — возможно, носят в некоторой степени *кодовый* характер и со временем будут заменены на более откровенное обозначение вроде «нового дивного мира» [6]). Выяснено, что оно открывает перед новореформаторами, только приступающими к *ручной смене социальной формации*, невиданные горизонты. Одно то, что через применение «чрезвычайного положения» можно расширить масштабы так называемых непопулярных мер, особенно на начальном этапе «революции»,

стоит многого. Оно позволяет (притом в том высоком смысле, что делает легитимным) по-новому оформить мир, не оставляя в нем места ни морали, ни справедливости, ни логике; как это ни странно, одним лишь неприятием устраняет с общественного поля и закон вплоть до его высшего значения — конституции; может заменить пестрый во всем мир на *бинарное представление* (хорошо-плохо) и вводить в него *ранее неприемлемые* новые понятия. И так далее.

Надо сказать, что в ситуации с «инклюзивным капитализмом» чрезвычайное положение и весь остальной технический и организационный инструментарий имеют, как и обычно, подручный — временный — характер и такое же краткосрочное значение. Мир еще может быть свидетелем *открытых судебных процессов* над изобретателями пандемийного вируса, производителями вакцин, в одночасье ставших обладателями крупнейших государственных заказов глобального уровня, авторами и исполнителями физических, физиологических, психологических, гормональных и, наконец, экономических и политических манипуляций над массами людей, но важно понимать, что и они (судебные процессы) могут быть *частью «революции»*, а значит, очередной драмы, постигшей человечество. В настоящее время, находясь внутри *назревающей* деструктивной ситуации, цивилизация не видит различий между реальными делами и фоном, как их прикрытием. Пламя войны и дым конфликтов и противостояний, возгорающихся то тут, то там, по всему свету, не только многим народам, но и преобладающему большинству государств застилают глаза и не дают разобраться в том, что в действительности происходит с миром, а значит, и с ними *посредством введения единых смыслов, общих для всего человечества правил, всевозможных стандартов и шаблонов поведения* и так далее.

«Инклюзивисты», в собственном представлении «ухватившие бога за бороду», видят себя практически у цели; они осмелели настолько, что с определенной регулярностью выпускают на политическую арену *популистов* (Дональд Трамп — США; Хавьер Милей — Аргентина; вообще-то имя им — легион) и так называемых «*технократов*» (особенно тех, которые не просто уверены, но и рассчитывают на то, что «Атлант» рано или поздно «расправит плечи» [7], вроде Питера Тила и Илона Маска — США), притом в качестве как «запасных», так и «основных игроков».

Поскольку в нашем мире каждый хорош на *своем* месте (высочайшего уровня летчик-истребитель вряд ли может быстро освоить профессию пилота пассажирского лайнера), то пробные (обычно настоящие, но бывает, что и условные) «технократы», функциональные в кругу собственных, зачастую весьма гибких правил, встав к рулю (или около него) власти, по жизненной необходимости живущей и действующей по жестким законам, естественным образом исходят из *собственных знаний* и не просто очень быстро оказываются в *оппозиции к государственной системе*, но и приступают к ее *ломке*. А это, может быть, не сразу, а с отложенным эффектом, но

обычно (почти всегда) приводит к достаточно масштабным трудностям, из-под груды которых не всем удается выбраться без различного рода потерь.

Надо понимать, что *реальные технократы* — это выходцы из научной среды, если выразиться точнее, то приверженцы точных наук. Как правило, они далеки от гуманитарных знаний и в этом смысле в большей степени ведомые, чем ведущие. Ведь *если точные науки можно уподобить фонарику, то гуманитарные дисциплины — это компас*. Оказавшись в сфере политики и государственной службы, особенно в качестве руководителей, технократы пытаются, исходя из *собственного «устава»*, вносить в незнакомую им более чем *гибкую среду* собственные *строго линейные правила* — ту самую черно-белую бинарность. И почти всякий раз терпят фиаско. Дальше в дело вступает обычная людская *психология* со своими представлениями, эталонами, трафаретами, штампами, формулами, а нередко — ожиданиями, стремлениями, амбициями и тщеславием, приводящими к соответствующим результатам.

Есть тут и частного свойства проблема. «Противники» государства, рвущиеся к тому, чтобы посредством всяческих манипуляций, технологий, тактик и стратегий *ставить его себе на службу и тем самым уничтожить* как систему, *все свои состояния* заполучили, урвали и, если даже заработали, то заработали в *пределах государственного устройства и благодаря его правилам*. В этом обстоятельстве кроется еще одна, весьма значимая непредсказуемость. Более того, она включает в себе один из множества моментов, который явно не запланирован. И в этом нет ничего удивительного, — история показывает, что революционерам (как и мятежникам, бунтарям, зачастую — даже радикальной оппозиции) вообще несвойственно *просчитывать свои действия* хотя бы на несколько ходов вперед. Нет никаких сомнений, что в случае своей победы (*по определению невозможной*) «инклюзивисты» сразу за первым поворотом истории окажутся не перед дилеммой, трилеммой или квадрилеммой, а целым сонмом полилемм, требующих немедленного решения.

Расчет на популистов и «технократов» (в отношении первых пояснения не требуются, что касается вторых, то речь здесь не о профессионалах технических отраслей, на которых практически вся экономика держится, а о тех самозванцах, возомнивших себя всезнайками, в том числе и в политических вопросах) может оправдать себя в более чем краткосрочной перспективе: первые чуть ли не физически состоят из одной лжи, у которой для стайерских дистанций ноги коротки; вторые *что-то* знают только в одной — *своей* — сфере, тогда как государственное управление нуждается в знаниях не только во многих областях и отраслях, но и как в огромном числе стихий, совокупностей, общностей, характеристик и тому подобного, так и в опыте.

Особенность классического «технократа» (за которых, как правило, выдают бизнесменов, в основном скороспелых богачей, ставших

миллиардерами под «крышей» государства и в государственной системе ценностей) заключается в его уверенности в том, что *он все умеет* (то есть может стать очередным «гегемоном»), а вот *народ ничего не умеет* (кстати, эта мысль в течение последних двадцати лет усиленно внедряется в головы людей). Почти любой из них, хотя бы одним пальцем зацепившийся за власть и оказавшийся в ней в качестве *номинального «придворного»*, первым делом пытается *сократить (секвестировать) хоть что-нибудь*, а в основном — социальные расходы, не понимая, что всё его благополучие базируется на них, так как *между этими расходами, то есть социальностью государства и покупательской способностью связь прямая*.

Рассуждая шаблонами из школьных и университетских учебников, «технократ» кивает на рынок, что, мол, он всё расставит по своим местам. Хотя мог бы надеть на себя еще одни очки или внимательнее взглядеться, чтобы понять: во времена Адама Смита (XVIII век) ситуация как в экономике, так и в политике и общественной жизни была кардинально иной. На стороне рынка (по мнению Смита — всемогущего) выступали *кроме государства, власти, общества, еще и мораль (традиционная и религиозная) и человеческая ментальность* (неслучайно, до того, как взяться за свой великий труд о рынке [8], А. Смит написал книгу о *морали* [9]). При этом на всякий случай наготове находился *эшафот с плахой и виселицей*.

В нынешней действительности идея с «технократами» переживает свое развитие, — всё чаще то тут, то там (в разных странах) «технократы-бизнесмены» ни с того, ни с сего, оставляя свое процветающее дело (или передавая кому-то), то есть как бы отказываясь от карьеры, наработанной в известных корпорациях (в том числе транснациональных), *переходят на государственную службу*. Бывает по-разному, но очень часто они затем — через некоторое время и как бы по команде — возвращаются на свои места и к своим делам, будто побывав «*своими среди чужих*» и, пройдя некоторую практику по системе «*вращающихся дверей*». Складывается впечатление, что таким образом «инклюзивисты» *готовят кадры* для скорого будущего, расширяя «*скамейку запасных*» (кадровый резерв) за счет вливания «*свежей крови*». *Обратный процесс*, по крайней мере в той или иной регулярности, почти *не наблюдается*, — время от времени люди с государственной службы переходят в бизнес, но, как правило, не с целью его изучения изнутри, а зачастую навсегда (или насколько получится).

Еще одна «технократическая фишка» — *сокращение рабочих мест*. В сознании «технократа» следующему после этого сокращения шагу места нет. И когда он сталкивается с жизнью в лице безработицы и, соответственно, социальной напряженности, то, ни на минуту не задумываясь, объявляет граждан, оставшихся без работы, «*лишними людьми*». По этим и многим другим причинам опыт, сложившийся в последние полвека, свидетельствует о том, что «технократы» почти во всех действиях в качестве государственных

мужей оказываются своего рода «антимидасами»¹, превращая далеко не в золото всё, до чего дотягиваются, а особенно — дотрагиваются.

Разумеется, «инклюзивистам» и в голову не приходит на самом деле и в полной мере полагаться на популистов и делать ставку на «технократов», которых они «берут на вооружение» для решения промежуточных задач. Идея, особенно по поводу последних, простая, — понимая, что многие «измы» из-за долгого потребления истрепались, а главное, дискредитировали себя, они на каком-то этапе реализации своего проекта *могут изъять из его названия слово «капитализм»*. В запасе у них наверняка припасены всевозможные обозначения отвлекающего характера, но чем плох термин «технократия», вполне сочетаемый с «инклюзивностью», с которой новые реформаторы явно (судя по частому ее присутствию в различных — как в официальных и научных, так и информационных и художественных текстах) уже определились. К тому же он вполне подходит для того, чтобы с относительной безболезненностью быть *переименованным (или переделанным)* в словосочетание «технократическая диктатура».

С подачи самих «промышленных революционеров» экспертное сообщество называет их «инклюзивистами» (да и мы в своем повествовании их так обозначаем), придавая обычному *олигархату*, в значительной степени являющему собой сборище нуворишей, толстосумов, банальных воров и коррупционеров, некое загадочное значение *новоявленных спасителей* разумной цивилизации. Понятно, что, несмотря на фундаментальную подготовку, создание соответствующей ситуации, масштабность деструктивных проектов и практически невиданный напор и давление, оказываемые ими, с одной стороны, на мировое сообщество, с другой — на глобальную государственную (политическую) систему, всё затеянное — *не более чем фрагмент* в истории человечества.

Возможен и такой вариант (это в обозримом будущем должно выясниться), что *общемировой «фурункул»*, включающий в себя фиктивную экономику, безнравственную политику, масштабную несправедливость, то же неравенство, повсеместную ложь, симулякры реальности и многое другое, *созрел и нуждается в спускании всего накопившегося гноя*. Ведь не общество, на которое направлено острие «отравленного меча», и не государство, выбранное как возможный источник легитимности (если с обществом договориться не удастся) нового миропорядка и заодно его основателей и правителей, а именно сами «инклюзивисты» торопят события, предлагая то *убивать всех коров* (при наличии десятков тысяч промышленных предприятий, загрязняющих окружающую среду, оказывается, это коровы выделением метана приближают глобальное потепление), то *перейти на новую диету из насекомых* (якобы еды на всех не хватает), то *регулировать*

¹ Мидас — в греческой мифологии царь, за заслуги перед богом Дионисом получивший по своему желанию особый дар: всё, чего он касался, превращалось в золото. В итоге мог бы умереть от голода, но ему удалось выкрутиться — он покаялся и уговорил Диониса забрать дар обратно.

численность населения Земли посредством уничтожения большей части людей, то доставая из-под полы давно уже устаревшую чушь, подразумевающую разделение мирового сообщества на *пресловутый «золотой миллиард»* и всех остальных и так далее.

По всему миру тех же «лишних» людей — уже миллионы. Кто даст гарантию, что завтра (пока только условно) «инклюзивисты» или кто-то другой с их подачи не предложит *лишить их права голоса*. Предлогом может быть что угодно вплоть до истории и рациональности. Для начала — мол, пусть голосуют только те, *кто платит налоги*, чуть позже — исключительно те, *чьи налоги превышают определенную сумму*, а затем можно и на древних греков с их «демосом» сослаться (это слово означает «имеющие право»; в перечне состоятельности «демос» следовал за «олигархией») и заявить, что право голосовать может быть представлено только умеющим сочинять стихи и играть на музыкальном инструменте. Пусть «демос» (*специалисты, та же технократия*) правит, «плебос» (*простолюдины — те, кому можно голосовать*) выбирает, а «охлос» (*толпа, маргиналы*), как и «метеки» (*свои, но пришлые; понаехавшие и не сумевшие влиться в «плебос»*), в расчет не принимаются. И никакого «лаоса» (людей или в целом народа). И так далее. Чем не система?! А «олигархии» незачем пачкать руки о власть, — ее место за кулисами, к которым тянутся все нитки и откуда все решения диктуются.

Свой проект «инклюзивисты» называют «новым мировым порядком», условным (а может быть, и действительным, так как, несмотря на присутствие в наименовании идеи термина «капитализм» и, если исходить из обещаний авторов человечеству, — «у вас ничего не будет, но вы будете счастливы», — он выглядит *обновленной версией «коммунизма»*, который его основоположники в первом предложении своего манифеста называли «призраком» [10, с. 23]) «политическим бюро» которого выступает *Всемирный экономический форум (ВЭФ)*, ежегодно собирающийся в швейцарском городе Давос. 19 мая 2025 года они сумели добиться (притом на уровне *Всемирной организации здравоохранения*, которой явно пора менять свое название *на более подходящее*) решения по принятию своего рода руководства к действию под видом «*Пандемического соглашения*», подписанного 124 (!) странами (всего 11 государств воздержались от голосования), которое, возможно, приходит на смену понятию «*общественный договор*», но только во вполне реальном воплощении. Кстати, судя по ее активности, за ВОЗ закреплено еще одно задание: *унифицировать* все медицинские и иные подобного рода *протоколы* так, чтобы прекращение общественной (а кое в чем и государственной) деятельности было элементарным делом.

Переход к «инклюзивному капитализму» (этот термин мы и дальше будем брать в кавычки, так как он, будучи *абсолютной фикцией*, ни в проектном, ни в возможном, а тем более в исполненном варианте ничего общего с реальностью не имеет, — это такая *антитеза* утопии, вроде *победы разума над добром*, — *дистопия*, облеченная в одеяния *социальной*

программы) обозначается как *«четвертая промышленная революция»* [см. 11]. Предполагается, что она будет осуществлена (или уже осуществляется) с опорой на компьютерные технологии, в основном на *цифровизацию и искусственный интеллект*. О *категориальном аппарате* этого проекта мир в большей или меньшей мере осведомлен, так как он в разных формах, с разной интенсивностью и посредством всего, чего только можно, но в том числе науки, культуры, искусства, всевозможных ценностей, различного рода стереотипов, перманентно навязывается человечеству в течение нескольких десятков лет, а особенно интенсивно — начиная с последней четверти прошлого века. Здесь *и умные города, умные дома, био- и геоинженерия, новая нормальность, макрзоны, кластеры, прорывные технологии, уже упомянутое устойчивое развитие, антропологический переход, «зеленая» проблематика, нанотехнологии, трансгуманизм, культура отмены, неоглобализм (видимо, как новый виток коммерческой глобализации), те же цифровизация с нейросетью* и так далее [см. 12].

Легко заметить, что в данном перечне *нет ни выборов и референдумов, ни демократии и народовластия*, — не исключено, что их, а вместе с ними многие гуманитарные понятия «инклюзивисты» *готовят к изгнанию* из актуальной мировой повестки. Зато есть, например, абсолютно нелогичная и по определению невозможная *вечная жизнь*, посредством которой «инициативная группа» нового «миропорядка» пытается «зацепить на крючок» и «перетащить» на свою сторону тех, кто обладает различными материальными и/или масштабными административными ресурсами. Или *аутсорсинг*, предполагающий, что чуть ли не все вопросы из сферы государственной деятельности можно передавать для выполнения сторонним (частным) организациям. То есть *для аутсорсинга запретных сфер нет*, хотя ясное дело, что посредством подобных форм *делегирования*, во-первых, и государство, и власть лишаются определенной части своих полномочий, а во-вторых, зайдя куда-то, аутсорсинг может оттуда что-то (очень может быть, запретное и нежелательное для чужих глаз) выносить. Параллельно в сознание людей вводится перечень элементов *отвлекающей терапии* вроде полета на Марс (расстояние до которого составляет 360 миллионов километров; для сравнения — расстояние до Луны — чуть меньше 385 тысяч километров), находящаяся у порога ядерная война, всякие алармизмы и катастрофы, какие-то глобальные вызовы (как будто возможны вызовы нерукотворного характера), которые прикрывают собой *античеловеческие эксперименты*, имеющие место уже в наши дни, — *пробные введения систем социального рейтинга и социального кредита*, по сути дела, *цифровизации жизни* с целью полного подчинения общества неизвестно кому.

При *полноценном властвовании над средствами массовой информации*, то есть при их практически полном подчинении, принцип действия «инклюзивистов» может быть (да и зачастую является) весьма примитивным: сначала в противовес мудрому предупреждению Уильяма Оккама о том,

что не следует множить сущее без необходимости, или иначе — не нужно привлекать новые сущности без крайней на то нужды, а значит — приумножать смыслы [13], в общественное пространство вбрасывается некое доселе неизвестное понятие из вышеизложенного перечня или в виде, например, *социального и биологического хакинга*, в реальности означающего набор способов «взлома» общественных и жизненных процессов. В то же время оно представляется как *система средств, «направленных на улучшение физического и психического здоровья, а также на повышение качества жизни за счет оптимизации различных факторов, таких, как питание, сон, физическая активность, психоэмоциональное состояние и использование различных технологий и средств. Он основан на применении научных знаний и технологий для индивидуальной оптимизации организма»* (так говорит искусственный интеллект — при других обращениях он может ответить несколько иначе, но суть его определения будет такой же). Так как не все люди верят в подобные объяснения, дальше можно полагаться на «окно Овертона» с довольно широким диапазоном, включающим в себя шесть этапов воздействия на разум общества: от «немыслимо» и «радикально» до «приемлемо» и «разумно», затем «популярно», а в итоге — «государственная норма».

Всё обстоит намного хуже *в сфере военно-промышленных комплексов* отдельных стран, охваченных *милитаризацией*, которая, глубже проникая в содержание и суть социума и тем самым *милитаризируя общественную жизнь*, в меньшей степени касается войны и мира, производства оружия, в общем вооружения и вооруженных сил, чем корпораций, задействованных в данной среде. Притом значительной частью в смысле «отмывания» денег.

В этих и им подобных вопросах государство *пожинает плоды своих деяний*. В свои «тучные годы» оно под руку с властью во имя сиюминутных и эфемерных задач лишает силы *своих союзников*. В первую очередь *социума*, сужая поле его деятельности, ограничивая развитие и тем самым замедляя его эволюцию в сторону возникновения, формирования и становления *гражданского общества*. Во вторую — *СМИ*, как независимого эксперта и расследователя, способного придать общественному пространству, политической системе, экономике и социальной жизни *прозрачность и гласность*. В третью — оппозиции, которая может послужить как власти, так и государству, пусть и не бескорыстно, но точно безвозмездно, *критиком, указывающим на случившиеся и возможные пробелы в их функционировании*. И тому подобное. И тем самым, во-первых, *отдаляет от себя* естественных союзников, а в особых случаях — и народ; во-вторых, *рубит сук, на котором сидит*. А в современной действительности, еще и *льет воду на мельницу своих врагов, в частности, «инклюзивистов», как собственных могильщиков*.

Здесь учесть нужно многое. В частности, на *фоне одной лишь пандемии «инклюзивистам»* удалось заполучить доступ к национальным бюджетам, да так, что прямо сейчас на одни только ожидания появления болезней («новых ковидов») ежегодно выделяются десятки миллиардов долларов,

хотя уже не раз доказано, что так называемые новые болезни — это *результат* *давным-давно* *наличествующих патогенов*, которые в прошлом из-за недостаточности научных возможностей нельзя было обнаружить. Таким образом, государственные бюджеты тратятся по *технологии реагирования*, — на то, что еще не случилось, и даже неизвестно — случится ли. Одновременно сокращается выделение средств на устранение реальных болезней, тех же туберкулеза и малярии, от которых человечество продолжает страдать. Именно по итогам *пандемийной истории*, когда *практически весь мир* был загнан под домашний арест (здесь точно кавычки не нужны), «инклюзивисты» настолько *осмелели*, что публично обсуждают *не только интеллектуальную деградацию* достаточно большого числа *политических лидеров высшего порядка*, с подачи продажной журналистики ставших *посмешищем* {очень может быть, что в данном вопросе присутствует подспудная задача превращения одних формальных национальных лидеров (кого посредством возможностей СМИ можно объявить достойными) в соучастников собственных «делишек», а других (тех, кого можно подкупить и включить в свои ряды в качестве пехоты или младшего командирского состава) — в подельников} или *реализацию пандемийных проектов в будущем*, но и *превращение человека в объект трансформации в абсолютно прямом понимании*.

Несложно заметить, что, по существу, речь идет не о каком-либо мировом порядке, так как само слово «порядок» и изначально означало совершенно другое, и сегодня на ментальном уровне воспринимается далеко не в технологическом качестве. Суть и содержание порядка таковы, что он не терпит *логических пробелов*, из которых чуть ли не целиком состоит «инклюзивный капитализм». Порядок в людском и общественном восприятии (а более высокого по своему значению восприятия не существует) состоит *сначала из морали, и только затем — из закона*. Выдавая *тоталитаризм* за порядок, притом за новый и мировой порядок, новоявленные реформаторы в корне заблуждаются в отношении общества. Им бы не помешало хотя бы почитать вузовский учебник по всемирной истории, и они точно обнаружили бы в нем то, на что обречен их проект, больше похожий на *пустую матрешку* (а скорее всего, и являющийся ею).

Поскольку лица, выступающие проводниками «инклюзивного капитализма», явно *всего лишь исполнители*, нам не известно, кто стоит у истоков проекта в качестве как «кукловодов», так и главных выгодоприобретателей. Даже не знаем, в чем здесь выгода. Ведь одной цифровизации достаточно, чтобы собрать в общую казну и, если не присвоить, то контролировать все ценности мира. Казалось бы, зачем городить огород дальше? Можно предположить, что цели «революционеров» распространяются на гораздо большую территорию, чем мы ныне предполагаем. Следовательно, чтобы разобраться в том, что происходит с миром, то есть с нами со всеми (в том числе и с теми, кто полагает себя неуязвимым в силу статуса, социального положения или чего-то еще), по отношению к выдвигаемым на первый

план категориям, понятиям и особенно явлениям, нужно обзавестись даже не лупой, а микроскопом.

То же вышеозначенное *навязывание информации* — это суть деятельности некоторых (можно считать, что скоро они составят большинство) современных СМИ, которые, прибегая к рекламным технологиям, а точнее, трюкам, (как бы это ни звучало грубо, но во множестве таких случаев речь идет о всучивании и подсовывании) пытаются *оставить след* в сознании людей, а *не донести до них* те или иные новости и сведения, а это значит, выполняют *определенного рода заказ*. Принцип один и тот же, — как «инклюзивисты» *как бы ничего не скрывают*, стараясь *расширить круг «посвященных»*, так и многие средства массовой информации, следуя первоначальному замыслу, добиваются того, чтобы *информация, как всё навязываемое, отвергалась*, но при этом особым образом *запоминалась*. Притом последние, по направлению своей деятельности обязанные бить в набат, *разгоняют информацию*, не раскрывая ее сути. В результате она доходит до общественности в своем *целевом*, а нередко и вовсе *фейковом* варианте. Несложно догадаться, что здесь речь идет об изоэцированной, политически и психологически нагруженной форме *общемировой цензуры*. Переформатирование ойкумены происходит почти открытым образом и на виду у всех, но — при застилании глаз как бы многозначительной, но при этом пустой и бессмысленной информацией, точнее, «*информационными погрешками*» [см.: 14; 15].

Время показало, что империализм империализмом, — *в историческом «аду» у него свое место*, но другой, не менее значимой в своей отвратительности высшей формой капитализма выступает *монополизм*, пространство деятельности которого не только всё больше расширяется, но и подчиняет себе новые уровни и плоскости. Неслучайно, что именно данное разностороннее и вездесущее явление (как бы запрещенное и как бы незаконное, — одни только чуть ли не обязательные к наличию в государственных системах антимонопольные министерства чего стоят), процветающее пышным цветом практически всюду, выбрано в качестве одной из важнейших опор «инклюзивного капитализма». «*Близнецом*» монополизма, также порожденным капитализмом, является *либерализм* — прародитель большинства (если не всех) современных «измов», в течение веков *изображающих* «борьбу нанайских мальчиков» на либералистском «ковре». Кстати, в возвышении «инклюзивистов» и достижении ими столь значимых высот в политическом пространстве немаловажную роль сыграл либерализм, предоставивший в распоряжение реформаторов, с одной стороны, в качестве опоры, с другой — в виде инструмента, свои *как бы гибкие правила*. Он же, натянув на себя *непроницаемый «кэпюшон» свободы, демократии, прав человека* и многого другого, вместо того, чтобы выдвинуть на передний план крайнюю необходимость решения реальных цивилизационных и человеческих (глобальных, масштабных и частных) трудностей (голода, нищеты, неравенства, например, того, что одному проценту населения Земли достается 90 процентов

производимой продукции), заполнил глобальное общественное пространство *видимостью проблем, симулякрами назревших решений, подобиями действительных вызовов* времени в самых разных формах и вариациях, начиная от «озоновой дыры», гендерной тематики, феминистской повестки и до глобального похолодания (сначала, то есть совсем недавно — в 90-е годы прошлого века) и глобального потепления (в наши дни).

Спутников и попутчиков у государства предостаточно, но *союзник* у него один, и это — общество, которое никем и ничем незаменимо. То, что в течение многих веков государство *захватывает пространство социума* (чаще несправедливо и незаслуженно, чем наоборот), это их (государства и социума) внутреннее дело. На каком-то из последующих витков истории всё это пространство, возможно, в другом — более развитом и ухоженном виде, вновь окажется у общества. То есть речь идет всего лишь о взаимоотношениях партнеров, действующих в *эволюционный унисон*. Но ныне ситуация такая, что новоявленные глобальные реформаторы *пытаются вовлечь в свои сети государство посредством навязывания ему союза с транснациональными корпорациями (неофашизм)*, по своей сути, представляющими собой *частные организации, раздутые до невероятных размеров* из-за недосмотра контролирующих государственных структур. А значит — трансформировать государство, а вместе с ним, естественно, и власть, в свой инструмент всего лишь за «чечевичную похлебку». На их взгляд (кое в чем и общество так полагает), сотрудничество уже состоялось — *пандемийную аферу* вряд ли бы им удалось провести без привлечения *государственных ресурсов, заключающихся в том числе и в общественном доверии*.

Явно упускается из виду то, что государство — это *институциональная машина*. Оно, конечно, глыба, но при этом *состоит из институтов* как из каменных блоков. Завлечь государство (как явление, то есть любого рода — и так называемые «карликовые государства», и мировые державы с ядерным вооружением и империи) в свои сети «инклюзивисты», возможно, и смогут, но «блоки», обладающие определенной независимостью (чем они самостоятельнее, тем сильнее, устойчивее и сувереннее государство), вряд ли по мановению «капиталистической руки» поддадутся на пустые уговоры; пресловутым «инклюзивным счастьем» их тем более не удастся заманить. При всей своей серьезности государству не чужды манипуляции и игры. Когда замечает, что с ним играют, то оно с достаточным азартом включается в игру. «Инклюзивисты» не первые и не последние, кого государство *переварит и пойдет дальше*, хотя пока делает вид, что поддается, изображая слабость.

Главный ресурс (одновременно и союзник, и напарник, и даже единомышленник), на который оно опирается, из которого черпает свои силы словно из мирового океана, а может быть, как из космоса, практически не тронут и вовлекается в общие проекты исключительно при острой необходимости. Довольствуясь возможностями власти как инструмента

правления, государство, вразрез с пониманием своих врагов и недоброжелателей, в любой момент может обратиться к обществу, и его клич будет услышан мгновенно.

Кроме всего прочего государство *отдалено* от «инклюзивного капитализма» *принципиальными моментами*. Один из них кроется в том, что по своим сути, характеру и предназначению оно ориентировано на консолидацию власти, максимальная централизация которой составляет его жизненную силу, эффективность, действенность, устойчивость и живучесть. В то же время, возможно, главная из начальных задач «инклюзивистов» состоит в фрагментации, а то и распылении власти. Их идея не только в том, чтобы «*поженить*» государство и систему транснациональных компаний, а в передаче *существенной части власти* как последним (ТНК), так и своим другим предполагаемым, потенциальным и возможным союзникам и подопечным.

То есть в предполагаемой и готовящейся системе государству отводится место в одном ряду с его порождением, возникшим совсем недавно. Союз возможен только между равными, — как минимум теми, кто друг друга *воспринимает* как равных. Но государство, обладающее монопольным правом на насилие и, соответственно, имеющее в сфере своего подчинения армию, по определению не может быть равным кому бы то ни было, — тем же транснациональным компаниям, обладающим опытом взаимодействия с частными военными организациями. А если речь идет о том, чтобы вставить ТНК в государственную систему власти в качестве одного из важных элементов (например, вроде парламента), то, чтобы добавить в какую-либо машину новое звено, нужно сначала ее подготовить, определить в ней место для нового устройства, а затем — еще и приспособить к ней детали. Иначе инициатива с обновлением может обернуться немалым числом трудностей.

Так как система транснациональных компаний основывается на всём материальном, а в первую очередь — на владении и той же монополии, а государство — всё же (пусть даже в основном) на принципиально иного рода ценностях, то при их равноправной интеграции, а тем более при попытках подчинения государства каким-то (пусть и очень большим и даже громадным и глобальным) частным лавочкам конфликтов не избежать, притом конфликтов, исход которых более чем предсказуем. Кстати, здесь налицо технократический подход, при котором, как выше было обозначено, люди исходят из первых шагов, но не далее. Хотя кое-что может быть и просчитано.

Новые реформаторы явно не намерены ограничиваться *дроблением государства*. На общественном поле они уже на сегодня достигли больших успехов. Благодаря инертности, а во многом и вовсе бездействию власти и, пользуясь тем, что в странах, где власть уже находится в определенной мере в децентрализованном состоянии, им всё чаще удается *разделять социумы* на полярные по своим повседневным интересам классы и страты. Если сказать коротко, то — посеять рознь, смуту, раздор и откровенную вражду. Для них это некая *лабораторная практика* и своего рода *набивание рук*.

Превращением человека в *объект трансформации*, к которому они уже приступили, «инклюзивисты» вряд ли ограничатся — одним из их следующих шагов может быть *модификация общества* в соответствии с тактическими и стратегическими целями грядущего миропорядка.

Ключевых, стержневых и исходных средств на данном пути немало, но в «инклюзивном» исполнении особое место среди них принадлежит *страху*. Практически любой страх можно использовать в качестве *технологии управления*, но есть виды страха (например, ядерный, довольно долго доминировавший среди себе подобных; в современном мире место ядерной опасности готовятся занять — или встать рядом с ним — не только угрозы, связанные с наступлением эпохи искусственного интеллекта и цифровизации, но и всяких биткойнов и блокчейнов, как вполне обоснованные фобии второго порядка), которые отличаются *фоновыми и отвлекающими свойствами*. Они, словно гонщики на трассе, постоянно *меняются местами*: страх «озоновой дыры», отступая в сторону или на запасную полосу, предоставляет место возможному кризису из-за *дефицита пресной воды* или *преобладания в атмосфере углекислого газа*; затем на переднюю позицию может выйти *похолодание/потепление*; так они чередуются, пока на поле страха не появится какая-нибудь эпидемия вроде *свиного/птичьего* и еще какого-нибудь *гриппа*, или уже упомянутой *пандемии* с запоминающимся и пронумерованным (видимо, в силу своей перспективности) названием COVID-19. Здесь можно было бы упомянуть искусственно созданные *источники постоянного беспокойства* (Аль-Каида*, ИГИЛ*, демонизация отдельных этносов, объявление террористическими или изгоями целых государств, записывание в «исчадия ада» обычных людей и т.д.), разработку и вынесение на первый план общественной жизни *внутренних вызовов* в различных видах, но это — другой уровень технологий, в большей мере относящийся к *межгосударственной и внутригосударственной проблематике*, чем к социуму.

Так называемая *новая управленческая модель* — это только в *некоторой степени уловка*, в реальности и по своим целям и задачам она представляет собой *западню, ловушку или капкан*, где одно лишь *обещание счастья* (по сути, «инклюзивисты» больше ничего и не сулят, видимо, исходя из того, что каждый понимает его по-своему: для одних счастье — это всего лишь *постоянный насыщенный хлеб*, для других — уже упомянутая *вечная жизнь*) служит и «*бесплатным сыром*», и основой идеологии. Сразу после того, как проектировщики «нового дивного мира» перестанут нуждаться в легитимации от народа, они потеряют всякий интерес как к людским проблемам, так и к обществу в целом. Уже сейчас в ходу идея о том, что при новой экономической модели *средний класс*, который по большому счету составляет тот самый «демос», по древнегреческим меркам предназначенный для того,

* Организации, признанные в России террористическими.

чтобы править, и составляющий ближайший и важнейший потенциал власти и государства, *не понадобится* [см. 16].

В том числе и в данном направлении (в заманивании социума в «инклюзивную ловушку») определенный опыт есть: тот же капитализм (реальный, нынешний) функционирует и развивается по-разному *в зависимости как от страны, так и от этноса*. В том смысле, что одни страны и этносы находятся в более привилегированном положении, чем другие, и эта ситуация никакого отношения к цивилизационным достижениям не имеет, — *чего бы человечество ни добилось, бедные в глобальном мире остаются бедными, богатые — богатыми*. Несложно заметить, что даже *цифровизация и искусственный интеллект (нейросеть) функционируют и развиваются на конкретном, точнее, национальном, этническом и конфессиональном (на принадлежности к той или иной религии) базисе*. При наличии *сотен парламентов и наднациональных организаций*, как бы находящихся на страже национального и международного права, *человеческий мозг никак законодательно не защищен*, хотя и звучат голоса о необходимости *введения в конституции защиту нейрорправ человека*. И это в ситуации, когда практически повсюду правительства могут *обладать бóльшим объемом информации* об индивиде (человеке, личности, гражданине), чем он сам о себе знает.

На фоне неявного противостояния между существующим и наступающим порядками, а точнее, между в большей или меньшей степени устоявшимся порядком и беспорядком, в котором «инклюзивисты» намереваются, как в мутном омуте, наловить «рыбы», постепенно достигающим *своего апогея* прямо в наши дни и на наших глазах, свежее испеченные реформаторы глобального мира со всеми своими миллиардами и триллионами, транснациональными компаниями, купленными на корню наднациональными организациями напоминают ту мышку из притчи, которая, накопив жирка, осмелела настолько, что стала дергать льва за усы. В той истории дело заканчивается почти мирно: лев, наконец заметив того, кто мешает ему подремать после сытного обеда, поднимает свою лапу, кладет ее на мышку и слегка придавливает, пока весь жирок, а вместе с ним и вся смелость из нее не выйдет. По отношению к своим противникам государство может быть *не столь милосердным* и, скорее всего, наступит на них так, чтобы *окончательно уничтожить*.

В отличие от умных, хитрые, как правило, полагают себя всезнающими до такой степени, что, когда за счет своей хитрости достигают каких-то более или менее значимых целей, тут же всех вокруг записывают в дураки и ведут себя так, будто и ветер дует, и дождь идет по их указаниям и приказаниям. «Инклюзивисты», провернув пару «делишек», — кого-то в президенты провели, где-то переворот устроили, а то и сумели разжечь огонь войны, — умудрились зафиксировать себя *в разряде «сильных мира сего»* и считают, что они и есть *распорядители миропорядка*. А со временем, заполучив в союзники государство, рассчитывают *прибрать к рукам и то*

социальное пространство, которое общество практически безропотно — не из-за своей слабости, а исходя из общих эволюционных интересов — из столетия в столетие уступало государству.

Одним лишь союзничеством планы мечтателей «нового дивного мира» не ограничиваются. Это на этом «берегу», принадлежащем обществу и государству, они такие сладкоголосые, — как только «дело» состоится и «инклюзивисты» почувствуют под ногами почву другого «берега», *государство будет списано со всех счетов; обществу повезет больше — его трудоустроят*, правда, только на своих условиях и на заднем дворе наступившего мирового порядка, — возможно, *технократии*, а может быть, и открыто действующего *глобального тоталитаризма*. В отношении «сатанинского» правила «разделяй и властвуй» ничего в нашем мире не изменилось: сначала *оторвав власть от государства, затем — государство от общества*, а со временем раздробив его на структурные единицы и подчинив себе каждую из последних в отдельности, «инклюзивисты» полагают, что сумеют *разделаться с государством*, которое в конце концов останется как без своих инструментов функционирования и воздействия, так и единственного и важнейшего союзника. И только тогда (по их предположениям) они приступят к решению *своей главной задачи — переделу мира*.

Понятно, что дело ничем хорошим не кончится, в том числе и для «инициаторов-революционеров», — рано или поздно или весь их ресурс, *большой частью состоящий из запала*, будет исчерпан, или, притом скорее всего, государство (как в своем локальном виде, так и в качестве мировой системы) одумается и одним ударом *смахнет с глобального политического стола* всё лишнее и одновременно вернет нужное на свое место. Может, ни в чем таком необходимости не будет, как нередко случается в отношении антигуманных проектов, «инклюзивисты» сами, как тот змей Уроборос, пожирающий самого себя, доберутся до собственного «хвоста». Правда, проблема в том, что во всех возможных случаях человечество, несмотря на то что достигло довольно высокого уровня и в немалых ситуациях способно оперировать умом, в очередной раз *окажется в «пустыне»*, на выход из которой понадобятся если не библейские сорок, то точно десятки практически пустопорожних лет.

В складывающейся ситуации обществу и электорату, как и индивидам, избирателям, гражданам и, особенно, личностям, остается одно: *не падать духом, не бояться и развивать критическое мышление*, опираясь на то, что, как говорил Платон, *понимание начинается с осознания того, что мы ничего не знаем*. Всё, что касается «инклюзивного капитализма», «четвертой промышленной революции», переформатирования мирового порядка, включая их различного рода порождений, — это *всего лишь один из контекстов* глобальной истории, состоящей из огромного — практически бесконечного — числа факторов. В течение своей биографии человечество *всегда существовало* в том или ином историческом контексте, нынешняя вариация которого

отличается лишь наличием продвинутых технологий. Но и продвинутые технологии — дело не новое. Многие свои находки и изобретения человеческая цивилизация воспринимала в качестве *предвестия катастроф*, а в отношении тех, кто пытался переделать мир в своих интересах или по своему усмотрению, прежде чем убрать их со своей дороги, строила разного рода смысловые, философские, религиозные, мистические теории и таким образом как бы их заговаривала. То, что в своем отношении к истине и человечности хотя бы чего-то стоило, *пробивало себе дорогу сквозь любые препятствия*, а лишнее и ненужное, на какие бы ухищрения ни шло, в конце концов *отмирало и отпадало*.

В современных условиях в распоряжении у мирового сообщества находится множество средств *самозащиты*. Мы говорим в основном о ментальных, духовных, глубинных, интеллектуальных и психологических факторах. К ним же можно присоединить формальные инструменты, пришедшие в каком-то смысле *на смену*, а в каком-то — *на подмогу* историческому порядку, состоявшему в значительной мере из морали и справедливости. В определенном понимании образовалась некая «команда», а может быть, «армия» из «единомышленников», вся *идейная суть* которых сосредоточена на сбережении гуманности и человеколюбия. Иначе общемировая катастрофа, которой «инклюдивисты» пугают мир, *давно бы случилась*. Это только кажется, что, с одной стороны, общество, этнос, народ, цивилизация, мировое сообщество, с другой — государство и власть, мыслят противоположными категориями и противостоят друг другу. В чем-то, но в весьма малом и незначительном так и есть. Рискуя быть записанным в идеалисты, скажем, что всё дело в *отсутствии у человечества внешнего врага*. На том пространстве, где пребывает разумная цивилизация, ей *не с кем конкурировать*. Не находя поблизости — в окружающем его мире, то есть в природе — соперников, она на разных *своих* уровнях ищет и, как правило, обнаруживает внутренних врагов в лице, в одних случаях, правителей — власти и государства, в других — так называемых чужих, в качестве которых могут выступить даже свои, но немного иные.

Смысл сказанного в том, что, кто бы ни стоял по другую сторону от общества (мирового сообщества), кто бы ему ни противостоял, оно (в виде как социума и народа, так и этноса) всегда сильнее. Даже если физически, технически и технологически уступает *во всех ситуациях* *временному* сопернику (только общество и в какой-то мере государство могут претендовать на вечность), интеллектуально, ментально и морально (в том, из чего состоит его внутренняя уверенность) общество превосходит всех. В актуальной реальности силы, затеявшие против цивилизации нечто, находящееся *вне всякой этики* (в глубоком понимании — то, что не укладывается в глобальную человеческую мораль), мало того, что составляют ничтожное меньшинство, но и сами в себе не уверены. Их смелость фундируется на вышеозначенном

«жирке» и больше ни на чем: смелеют только потому, что не встречают должного сопротивления.

Захватив информационное поле (предварительно внедрив в массовое сознание мысль о том, что информация — это всё), они полагают, что завладели всем мировым пространством. Недооценивать их нельзя: им удалось *создать видимость* того, что они — сила, их много, и они правы. *Продажность средств массовой информации*, оставшихся из-за безалаберности и нынешней интеллектуальной несостоятельности мировой государственной системы практически *бесхозными*, играет им на руку. Более того, они смогли не только образовать определенный политический фон, но и сами, как было отмечено, представляют собой некий контекст, в обстановке которого происходит многое. К великому сожалению, *занятое собой* (редко собственными реальными делами, а в основном — умышленно подброшенными ему нарративами) *государство* не заметило, как *противники человечества* (субъектов, которые открыто намереваются превратить людской род в не самый значимый инструмент, иначе обозначать невозможно) обрели силу и — пусть и в некоторой и пока в не столь существенной мере — *диктуют* свои условия общественному пространству и народовластию, манипулируя политической системой и электоральным полем. Это означает, что уже в течение десятилетий во многих формально демократических странах народовластие функционирует по *навязанным лекалам*, а выборы проходят в рамках *технологических* (в худшем смысле слова) *стандартов*. Чего стоит одна только *легализация популизма*, посредством которой очевидная девиация обретает легитимность, хотя это (популизм) — всего лишь один из довольно большого числа негативных факторов, ставших повседневностью.

В определенном смысле, но ни в коем случае не в полном понимании, разумная цивилизация переживает свой *очередной переходный период* — не становится взрослее на один жизненный этап, а как бы переходит из класса в класс. В связи с этим, находясь в некотором расслабленном состоянии и сама того особо не замечая, пропускает удары, *не осознавая*, что подобные периоды почти всегда сопровождаются *той или иной турбулентностью*. Надо иметь в виду, что ситуация «мутного омут» может быть только переходящей и недолговечной, — во всех случаях приходит время, когда «ил» оседает и «вода» вновь становится прозрачной. Понятно, что эту непростую эпоху нужно пережить, но в то же время необходимо действовать так, чтобы извлеченные из нее уроки послужили всему мировому сообществу *руководством к развитию*.

Довольно большое отступление посреди электорального по содержанию нарратива отнюдь не случайно. Не может быть никаких сомнений в том, что справиться со сложившейся ситуацией может *только общество*. Оно в состоянии это сделать и в одиночку, но будет целесообразнее, логичнее и лучше, если с ним в едином ритме станут действовать *государство и власть*. На сегодня среди инструментов и орудий, которыми можно исправить положение,

наиболее действенными и надежными выступают *демократия — как щит, и выборы — как сито*. При их применении ничего особенного делать не придется: всего-то нужно вернуть им — демократии как форме правления, выборам как средству формирования власти — их *полномочия*. Но обязательно в полной мере. А эта цель достижима только при наличии *развитого гражданского общества*. Казалось бы, этим (созданием, формированием и задействованием гражданского общества) *круг эффективности* социума, государства, власти, демократии, выборов замыкается и превращается в нечто цельное. В сущности, так и есть: как бы само собой разумеется, что достигшая подобного уровня становления страна логическим образом встает на путь реального совершенствования, в прямом и историческом смысле оказываясь на «рельсах» прогресса. Но тут есть вопрос, а то и проблема, представляющая собой *многоединую задачу*.

Чтобы быть *действенным*, государство должно быть *демократическим*, чтобы быть *демократическим*, ему следует быть *сильным*. Но в том-то и трудность, что биография *не может начинаться не с первой страницы, а тем более с середины*. Логика жизненного пути государства такова, что после своего возникновения оно шаг за шагом проходит *этапы своего развития*, каждый из которых *одинаково значим и важен*. Нет таких периодов в истории маленьких, средних или больших стран, региональных или глобальных держав, которые можно было бы *пропустить или перепрыгнуть*. В 60-е годы прошлого века множество народов (в основном в Африке, но не только) сбросили с себя цепи колониализма, обрели государственность и формальную — официально признанную всем миром — независимость. Но вопреки всякой логике получилось так, что к нынешнему времени единицы из них сумели трансформировать самостоятельность в подлинный суверенитет. Историческая практика свидетельствует, что многие крепкие государства стали таковыми в значительной мере благодаря *народовластью и демократическому устройству* (тому самому сложившемуся кругу эффективности) своего бытия. Тут возникают вопросы: за счет чего стать сильным, чтобы уберечь свою демократию от сторонних, зачастую весьма агрессивных вмешательств; как вывернуться из-под множественного давления, источники которого не только не всегда очевидны, но и лишь в редчайших случаях устраняемы?

В общественном пространстве, в том числе в политике, в силу множественности (почти бесконечности) возможных вариантов, безвыходных положений не бывает. Изложенные в предыдущих абзацах проблемы связаны с *эпохальными явлениями* и носят большей частью *эволюционный характер*. То есть их решает *время*. Прямо в наши дни вчерашние диктатуры, недавние основоположники фашизма и нацизма, народы, еще в историческое вчера едва ли не окончательно и бесповоротно записанные в безнадежно отсталые, сообщества, объявленные по определению неспособными к развитию, чуть ли не рука об руку шагают к демократии по общей магистрали. Возможно,

это тот случай, когда, как говорил поэт, «пораженья от победы ты сам не должен отличать» (Борис Пастернак). Понимая очень многое, мы довольно часто, а говоря откровенно, почти как правило, не видим, не воспринимаем, а иногда и вовсе забываем очевидные обстоятельства. Например то, что демократия, как и государство (в частности, как демократическое государство), только выглядит абстракцией. По своим важнейшим свойствам (то есть всегда) она внутренне активна и нередко, не дожидаясь реакции общества и власти, самостоятельно (чаще всего через человеческую свободу, но, бывает, что и посредством выборов) реагирует на те или иные вызовы.

Более того, в отличие от большинства своих антагонистов, оппонентов, конкурентов, недругов, гонителей, преследователей, демократия обладает арсеналом в первую очередь *максимально легитимных*, а затем — действенных и надежных средств функционирования. Если даже по какой-то фантастической причине из всего ассортимента ее инструментария останутся одни лишь *выборы с референдумом*, не найдется ни одной формы правления, которая по своей рациональности могла бы с ней сравниться. «Демос», как уже было сказано, — не совсем народ, но демократия (если дословно перевести — *власть тех, кто правит*) столь много сделала для общества (как явления и как субъекта политической системы, притом зачастую невзирая на обусловленности), что более конкретное слово «народовластие» стало ее полноценным *синонимом*. В каком-то смысле она представляет собой *философский камень* или тот самый, по крайней мере на сегодня, *единственный реактив*, прикоснувшись к которому, народы, сообщества и этносы в одних случаях обретают, в других — возвращают себе силу возрождения.

Потенциал демократии огромен: он сам по себе, то есть в одних лишь связях с социумом (народом) является *управленческой мощью*. В союзе с гражданским обществом и при наличии надежной, интеллектуально «подкованной» избирательной системы демократии, «лучшей среди худших форм правления», равных нет. Она настолько сильна и универсальна в своих возможностях, что может в течение еще долгого времени позволять мировому сообществу раздумывать над тем, чем ее заменить. Можно смело предполагать, что форма правления, которая придет ей на замену (такое время обязательно наступит), если не во многом, то в главных своих аспектах, будет исходить *из тех ценностей*, по которым функционирует демократия. Читая эту оду народовластию, мы пытаемся всего лишь сказать, что демократия, как средство установления и формирования бытийности, которым обладает человечество, для актуальной действительности *максимально эффективна*. Мировому сообществу (человеческому роду — всем нам) остается только одно: в полной мере воспользоваться ее ресурсной базой и потенциалом.

Африканская поговорка, выведенная в эпиграф данного текста, говорит в том числе о том, что отдельные субъекты, группы интересов, корпорации, достигшие определенных успехов именно при демократии, а зачастую и за ее счет, и опирающиеся исключительно на накопленные материальные

средства, пользуются определенным рода *корректностью* (молчанием, отсутствием реакции) демократического общества, которое во всём полагается на своих *производных*, избранных им в качестве *полномочных представителей (делегатов)*. Проблема нынешнего времени в том, что *подводят и подставляют* (в крайне бытовом осмыслении этих глаголов) общество из-за своего долгого застоя в условиях отсутствия масштабных действий *те самые производные — государство и власть*. Но как гласит другая поговорка, наверняка имеющаяся к культурному «загашнике» большинства народов мира, «всякому терпению есть предел». Как у общества, так и у демократии есть чем ответить на любые вызовы, особенно если они имеют искусственное происхождение.

В условиях народовластия только социум (в данном понимании электорат) может выступить главным и единственным (открытым, подспудным, внутренним, глубинным) «заказчиком» всего и вся; только он *определяет общую цель* государства и *ставит задачу* власти. И цель, и задача по поводу будущего во всех без исключения ситуациях находятся в *сформулированном виде*. Во всех случаях остается их лишь оформить; как для этого, так и для того, чтобы их поручить, проводятся *выборы и референдумы*. Кто бы кем бы ни стал в нашем мире, каких бы высот ни достиг, что бы ни завоевывал, на какие бы громадные ресурсы ни опирался, он будет находиться в контексте, то есть в пределах, границах, сфере влияния, воздействия, решений и вердиктов *социума и демократии*. Стоит лишь привести в нормальное состояние выборное «сито», как демократическая власть заблестит всеми своими действенными гранями; как только общество обретет (а это в его исключительной компетенции) гражданские суть и характеристику, государство вернет в сферу своего функционирования все кому бы то ни было уступленные позиции.

Список литературы

1. Шваб К. Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики. М.: Бомбора, 2022. 352 с.
2. Лэнд Н. Киберготика / Темное просвещение. В двух томах. II том. М.: Гиле Пресс, 2018. 220 с.
3. Кертис Я. Темное просвещение. Американские консерваторы против империи и собора. М.: Родина, 2023.
4. Бьюккенен П. Смерть Запада. М.: Terra Fantastica, Издательство АСТ, 2004. 448 с.
5. Нассим Николас Талиб. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2024. 768 с.
6. Хаксли Олдос. О дивный новый мир [пер. с англ. О. Сороки]. М.: Издательство АСТ, 2017. 350 с.
7. Рэнд А. Атлант расправил плечи. М., 2023.
8. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [пер. с англ.]. М.: Издательство АСТ, 2021. 960 с.

9. Смит А. Теория нравственных чувств [пер. с англ. П. Бибикова]. М.: Издательство АСТ, 2022. 512 с.
10. Маркс К. Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. М.: Политиздат, 1988. 63 с.
11. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Бомбора, 2023. 320 с.
12. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2025. 208 с.
13. Оккам У. Избранное. Пер. с лат. / Под общ. ред. А.В. Аполлонова. Изд. стереотип. М., Ленанд, 2019. 209 с.
14. Касатонов В.Ю. Читая Шваба. Инклюзивный капитализм и великая перезагрузка. Открытый заговор против человечества. М.: Книжный мир, 2021. 420 с.
15. Касатонов В.Ю. «Великая перезагрузка»: открытый заговор против человечества. М.: Тион, 2023. 1496 с.
16. Кахраманова А. Инклюзивный капитализм. Пандемическая готовность и зеленый переход как модель глобального управления. Баку, 2025.